

УДК [81'373-112:81'276](470.11)

DOI: 10.37482/2687-1505-V088

*КУЗЬМИНА Анджела Магомед-Гаджиевна,
аспирант кафедры русского языка и речевой культуры
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск).
Автор 8 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7180-8208>*

НАЗВАНИЯ ДОМА И ЕГО ЧАСТЕЙ В ГОВОРАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Дом является отражением и транслятором материальной и духовной культуры русского народа: кроме своего основного назначения, он служит выразителем национальных традиций и жизненного уклада людей. В данной статье рассматривается лексика, связанная с названиями дома и его частей в говорах Архангельской области. Цель исследования – дать этнографический анализ архитектурно-строительной лексики, которая входит в тематическую группу «Общее название дома и частей жилого помещения». В статье приведены названия дома и его жилых частей, распространенные на территории Архангельской области, отмечены также и локальные названия построек. В языковом материале Архангельской области выявляются сходства и различия в лексических значениях по географическому принципу, приводится сопоставление лексики, используемой в разных районах Архангельской области. Анализируется актуальный диалектный материал, собранный в диалектологических экспедициях на протяжении более 50 лет (с начала 1960-х годов). Значения слов, выявленные из контекста, подкреплены примерами из речи жителей Архангельской области. Кроме этого, приводится этимологическое значение слов. Исследование показало, что почти все названия построек и их частей имеют общеславянские корни. Словообразовательный анализ лексем установил, что они являются производными от слов, обозначающих предмет, место, лицо и признак. По данным исторических и этимологических словарей, исследуемая лексика была в активном запасе на протяжении многих веков и использовалась в речи русского народа. Эти слова до сих пор присутствуют в говорах жителей северных регионов.

Ключевые слова: *говоры Архангельской области, названия дома, названия частей дома, этнографический анализ, этимология слов, архитектурно-строительная лексика.*

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: alieva.anjela2018@yandex.ru

Для цитирования: Кузьмина А.М.-Г. Названия дома и его частей в говорах Архангельской области // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 2. С. 60–69. DOI: 10.37482/2687-1505-V088

Изучение отдельных семантических групп диалектной лексики необходимо как для анализа системы диалекта в целом, так и для познания быта, обычаев народа. Важной составляющей материальной и духовной культуры русского народа является дом. Кроме своего основного назначения, дом отражает национальные обычаи и жизненный уклад людей, тесно связан с историей русского народа.

Описанию дома и его частей посвящены многие этнографические и диалектологические исследования, их результаты представлены в монографиях, словарях, атласах. Важным для развития русской диалектологии явилось составление «Лексического атласа русских народных говоров», который включает в себя карты тематических групп лексики, относящейся к традиционной материальной культуре [1, с. 10]. В «Лексическом атласе Архангельской области» Л.П. Комягиной отражена лексика, принадлежащая к разным тематическим группам, в т. ч. к группе слов, называющих дом и его части, связанная с хозяйственной деятельностью человека [2, с. 176–178].

Разработкой данной темы занимались такие ученые, как И.А. Елизаровский [3], Е.А. Нефедова [4, с. 101], А.К. Байбурин [5], И.Б. Качинская [6, с. 24]. Однако их труды рассматривают архитектурно-строительную лексику в целом, без учета региональной специфики.

Цель данного исследования – дать этнографический анализ архитектурно-строительной лексики, называющей дом и его жилые части в говорах Архангельской области.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной изученностью архитектурной лексики в районах Архангельской области в диалектном отношении. В данной статье мы вводим в научный оборот ряд диалектных наименований дома и его составляющих, не отмеченных в работах диалектологов и не зафиксированных диалектными словарями, уточняем семантику отдельных слов, приводим примеры использования диалектного материала в речи носителей, записанные в ходе диалектологических экспедиций.

Материалом для исследования послужили оригинальные диалектные данные из картотеки при кафедре русского языка и речевой культуры высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, собранные в диалектологических экспедициях на протяжении более 50 лет (с начала 1960-х годов). Всего было проанализировано 34 варианта словоупотреблений, которые вошли в тематическую группу «Общее название дома и частей жилого помещения», а также «Дополнительные жилые помещения с печью». Материал отбирался по тематическому принципу.

В работе использованы следующие методы анализа:

1) сравнительно-сопоставительный метод (сравнение языкового материала, называющего дом и его жилые части в разных районах Архангельской области);

2) метод лингвистического краеведения (изучение языковой ситуации Архангельской области).

Искусство деревянного зодчества на Русском Севере формировалось столетиями, складываясь из практических потребностей жизни поморов, уклада поморской семьи. Жилище северного крестьянина должно было противостоять суровым климатическим условиям Севера, поэтому отличалось добротностью и крепостью. Жилые постройки отражали хозяйственную деятельность человека, патриархальный уклад северных деревень, существующие традиции и обычаи, религиозные верования, а также демонстрировали мастерство плотников. Дома стояли, вытянувшись вдоль берега. Каждый клочок земли, отвоеванный у леса, очень ценился: неслучайно дома были поставлены так тесно друг к другу.

Для строительства дома выбиралось высокое, освещенное солнцем место. Окна жилых помещений были обращены на солнечную сторону и позволяли увидеть окружающую усадьбу [7]. В середине XIX века дом на Севере представлял собой целый комплекс, состоящий

из дома и двора (дом-двор), в чем проявлялась уникальность и самобытность поморской деревянной архитектуры [8, с. 113–114]. Жилье и двор в данном строении стояли на одной продольной оси, а коридор шел в поперечном направлении. Все постройки располагались максимально рационально и находились в той же последовательности и в том порядке, как требовал уклад крестьянской жизни [9].

Жилая часть северного дома состояла обычно из избы (основной комнаты), кухни и горницы, идущих последовательно друг за другом, остальное место занимал коридор и огромный двухэтажный хозяйственный двор. Часто избы назывался весь жилой комплекс. Ко двору относилось главное хозяйственное помещение – поветь. Зачастую поморы хранили там хозяйственную утварь и инвентарь. В ее задней стене располагались ворота, к которым примыкал взвоз – бревенчатый настил из бревен, по которому воз с сеном поднимался на поветь [10, с. 32]. Хозяйственная часть занимала больше половины всего дома. Сено сбрасывалось вниз, в хлев, где стоял скот. Поветь и хлев не составляли единого сруба: верхний этаж держался на столбах, чтобы можно было быстро подменять подгнивающие бревна хлева. Это классическая планировка дома-двора, основной областью распространения которого является Русский Север [11, с. 156]. Все части дома были построены таким образом, чтобы препятствовать посторонним запахам со стороны скотного двора. Воздух в избе всегда был свежим [12, с. 204].

Жизнь, связанная с промысловыми занятиями, морем, наложила отпечаток на архитектуру жилых и хозяйственных построек поморов [13, с. 300]. Единая архитектурная планировка дома-двора способствовала адаптации крестьян к природно-климатическим условиям и выживанию их на Русском Севере [14, с. 235].

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *изба́* объясняется как ‘деревянная

срубная постройка, использовавшаяся первоначально в качестве бани, помещения хозяйственного назначения, а позже жилья’; далее в словарной статье приводится иллюстративный материал, показывающий, что с XVII века избы различались по способу постройки – были бревенные, брусяные, наземные, плоские избы: *а князь великий сидел в брусяной избе, а хором на том дворе изба наземная да сени да клеть* [15, с. 92]. В словаре также выделяются людская, скотная, челядная избы – виды построек хозяйственного назначения, входившие в состав усадьбы: *отделено государеву боярину князю... на дворе хоромъ, горница нова, да изба челядная возле поварни, да изба людская* [15, с. 92]. По мнению М. Фасмера, лексема *изба* заимствована из германских языков, где это слово имело значение ‘теплое помещение, баня, баня с печью’ (*stuba*), или из романского *extüfa* (франц. *étuve*, ит. *stufa*) ‘баня’ [16, с. 561].

Судя по письменным источникам, происхождение слова *изба* объясняется народной этимологией от *истопка* (*топíть, истопíть*) В соответствии с позицией В. Мейера-Любке и Э. Бернекера, слово *изба* как исконное относится к древневосточнонемецкому *stioban*, *stiuban* ‘рассеиваться’ [16, с. 561].

В говорах Архангельской области слово *изба* активно употребляется в речи жителей многих районов: Плесецкого, Холмогорского, Красноборского, Няндомского, Пинежского, Лешуконского, Онежского, Вельского, Мезенского, Устьянского, Приморского, Верхнетоемского – одновременно в двух значениях – как дом и комната. Также зафиксировано в полевых материалах: *пéчь-то в избé постро́ена; сходи́ в ту избú; да пойдём в избу-то; переберёмся до заморозков в зимнюю избу, совсём заколели* (Шенкурский район)¹.

Широкое распространение в Архангельской области получила зимняя изба. Зимняя изба строилась с отдельной печью как отдельная

¹Здесь и далее автор приводит данные, взятые из картотеки при кафедре русского языка и речевой культуры высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М.В. Ломоносова (ул. Смольный буян, д. 7, каб. 205).

пристройка дома, находившаяся в подклете, и использовалась как комната, в которой живут зимой, для сохранения тепла в помещении. Записано со слов информантов: *хозáева-то в зímней избé спят* (Шенкурский район). В говорах Архангельской области встречаются следующие наименования для обозначения комнаты, в которой живут зимой: *зимóка* (Шенкурский, Верхнетоемский районы), *зимóфка* (Котласский район), *мáленькая изба* (Верхнетоемский район), *ни́жняя избá* (Лешуконский, Вельский, Верхнетоемский, Котласский районы), *мáла избá* (Пинежский, Котласский районы), *передóк* (повсеместно), *перéдняя кóмната* (Холмогорский район). Приведем примеры из речи жителей Котласского района: *фсё в́ынесено в зимóфку; в зимóфке у нас тепло́; лётom в зимóфке не живúт; лётom не живúт в ни́жней избé; сéйгот мы лётom ж́или в мáлой избé*. Летняя изба служила комнатой для проживания летом, в теплое время года, где спали хозяева и гости дома: *кровáть ёсь в лётней избé* (Верхнетоемский район).

Рядом с основной избой находилась *боковáя комната* (*бокову́шка*). Это слово употребляется в говоре д. Шеньга Шенкурского района: *зимóй в боковóй никтó не живёт*. В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение слова объясняется посредством родственного *боковать* 'лежать на боку, валяться, отдыхать, лениться' [17, с. 561]. Слово образовалось от производного *бок* 'сторона туловища'. Таким образом, боковой комнатой называлась жилая часть дома, пристроенная сбоку ко всему дому, которая служила комнатой для сна и отдыха. Определение лексемы *боковушка*, *боковая* отсутствует в этимологическом словаре М. Фасмера и «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

Центральное место в жилой части дома занимала кухня – комната, где находилась русская печь. В говорах Архангельской области встречаются различные обозначения этого места: *зáденка* (Холмогорский район), *зadóски* (Пинежский, Холмогорский районы), *шелньши* (Мезенский район). В полевых записях Холмогорского района зафиксировано: *хозяйка-то*

в зáденке; сходи́ в зáденку; в zadóсках севóдня тепло́. В Шенкурском районе распространена лексема *шóмуша* в значении 'перегородка, отделяющая печь от всей избы': *ф шóмуше по прáзникам обрежáлись, пекли́ фсё*.

По мнению В.И. Даля, *шóмуша* родственна лексеме *шелньши*. Слово происходит от говоров Архангельской области и отмечено пометкой «арх.». *Шелньши* рассматривается как комната в северной русской избе, находящаяся за перегородкой, за печью; место, где женщины готовили пищу и хранили различную хозяйственную утварь (горшки, посуду, крынки) [17, с. 561].

Соседней с кухней комнатой была *гóрница* – неотапливаемое чистое и светлое помещение крестьянской избы, находившееся на верхнем этаже. Чаще всего горницу использовали как парадное помещение для приема гостей, реже – как кладовую. Характерным отличием горницы от избы было наличие встроенных красных окон. Слово *горница* происходит от производного слова *горнь* 'верхний' (от *гора*) и образовано посредством суффикса *-иц-* [18, с. 395]. Слово имеет древнерусское происхождение. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» представлено два его значения: 1) 'возвышение'; 2) 'жилое помещение в верхней части строения'. Впервые слово было зафиксировано в XII веке [19, с. 95]. Лексема *горница* употребляется повсеместно на всей территории Архангельской области: *в гóрнице дéфки обряжáлись; поди́, сходи́ в гóрницу-то*.

Словом *кут* (*кутóк*) называли самый дальний, отгороженный угол в доме: *скóль далéко лучи́на-то? ф сáмом куту́*. Номинация находит употребление только в Шенкурском районе. Бабий кут являлся местом, где женщина стряпала, занималась хозяйственными обязанностями. Там хранили домашнюю утварь, посуду, место предназначалось только для женщин. Вход посторонним мужчинам был запрещен. Это слово также встречается в Онежском, Красноборском районе Архангельской области в значении 'часть невода, где скапливается рыба'. Так, в полевых записях зафиксировано: *рыба ужé фсá в куткé; кутóк-то вёсь уш в дýрках* (Онежский

район). Этимологически лексема *кут* происходит от праславянского *коть, от которого произвелись церковнославянское «кѣтъ», украинское и белорусское «кут», болгарское «кѣтъ», сербохорватское «кѣтъ» (род. *кута*), обозначающие угол дома. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *кут* (*куток*) имеет значение ‘угол в каком-либо помещении’: *в некоем куте дома моего погребох твое железо* [20, с. 156].

Скамейка в доме, чаще всего неподвижная, носила название *лавка*: *лавки стояли вдоль стѣны; но́жка у лавки худѣя*. Это слово в таком значении употребляется в Шенкурском (дер. Шеньга), Приморском, Холмогорском, Верхнетоемском, Котласском, Вельском районах. Впервые лексема зафиксирована в языке в 1213 году в значении ‘широкая доска для сидения и лежания, прикрепленная к стене лавка’; впоследствии, в 1547 году слово приобрело значение ‘торговое помещение, лавка’ [20, с. 187]. Согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера, слово *лавка* – общеславянского происхождения, производное от *лава* ‘скамья, деревянный мостик, доска’, того же корня, что латышск. *lāva* ‘нары, лавка’, др.-инд. *lāva-* ‘отрезанный кусок дерева’ [21, с. 383].

В Верхнетоемском, Пинежском, Приморском, Холмогорском районах лексема *лавка* употребляется в значении ‘магазин’. Приведем примеры из речи: *на́роду в лавке мно́го; сходи́ в лавку за хлѣбом* (Пинежский район); *подня́ться на угóр к лавке-то* (Холмогорский район). В Вельском районе это слово используется жителями в обоих значениях: *поди́, сходи́ в лавку* (магазин); *в этой ко́мнате лавки стоя́ли* (скамейки). В Холмогорском районе встречается лексема *завáленка* (*завáленок*), обозначающая скамейку, поставленную к стене дома: *му́жик-то на завáленке сиди́т*. В словаре В.И. Даля слово *лава* (*лавка*) толкуется в двух значениях: ‘глухая, неподвижная скамья, доска для сиденья вдоль стѣны’ и ‘помещение для продажи товаров’ [22, с. 467].

Основная балка, на которой держался потолок, называлась *мати́ца*. В таком значении слово употребляется в Мезенском (д. Сояна),

Виноградовском (д. Плѣсо), Лешуконском (д. Кеба), Верхнетоемском (д. Согра), Онежском (д. Усть-Кожа), Вельском (д. Березник), Котласском (д. Нарадцево), Красноборском (д. Семтанино, д. Часовня) районах. Зафиксировано в полевых записях: *мати́ца худѣя ста́ла* (Холмогорский район); *у Ива́на вчера́ в но́вом до́ме мати́цу по́дняли* (Лешуконский район); *мати́ца худѣя, а потоло́к ещѣ хоро́шой* (Вельский район). В Онежском районе данное слово также употребляется в значении ‘конусообразная сеть’: *па́па хо́чет де́лать мати́цу с оди́м го́рлом*. Встречаются вариации обозначения балки, на которую опирается потолок дома: *мати́ница*, *мати́ничка* (Красноборский район), *мати́я* (Вельский район). Вариант *матни́ца* распространен в Шенкурском районе: *мати́ница вот на потоло́ке*. В Холмогорском районе словом *матни́ца* обозначается полка для различных блюд.

Слово *мати́ца* происходит от общеславянского корня ‘мать, матка’. Данное слово известно в русском языке еще с XIV века. Оно имело несколько значений: 1) ‘мать, матица’; 2) ‘начало, основа, источник чего-либо’; 3) ‘матка (женский половой орган)’; 4) ‘балка, поддерживающая потолок в деревянных постройках’; 5) ‘часть невода в виде мешка, в который набирается пойманная рыба’ [23, с. 142]. Анализ данных словаря и полевых материалов демонстрирует, что значения ‘балка, поддерживающая потолок’ и ‘часть невода’ закрепились в говорах Архангельской области.

Лексема *пола́ти* в значении ‘настил из досок под потолком от печи до стены, на котором спят’ активно используется в Шенкурском, Холмогорском, Верхнетоемском, Мезенском, Виноградовском районах: *на пола́ти мы с му́жиком спа́ли; на пола́тях ра́ньше спа́ли*. По данным М. Фасмера, это слово известно в русском языке уже с XII века, происходит от древнерусского *полата* и обозначает ‘дощатый настил, нары’, а также ‘чердак, настил для охотника в лесу’ [16, с. 432].

Важную роль в крестьянской жизни играла русская печь, она составляла основу интерьера крестьянского дома. До XIX века печи топили

по-черному, в них отсутствовал дымоход. Дым из печи поступал в избу, обогревал помещение и выходил через дверь и отверстие в крыше, от чего потолок выглядел черным. Со временем появился дымоход. Русская печь состояла из нескольких элементов: шестка, кошеля, подпечка, заслонки, заулка, устья.

Заслónка представляла собой железную пластину, закрывающую устье русской печи. Это слово распространено в Шенкурском, Холмогорском, Мезенском районах: *открóй заслónку-то; заслónка куды-то девáлась*. В Пинежском районе употребляется вариант *затворник*. Слово *заслонка* известно в русском языке с XVI века как обозначение печной заслонки, закрывающей трубу: *Федор кузнец ковал заслон в хлебню* [24, с. 112]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» лексема *затворник* соответствует значению ‘монах-отшельник’, которое не соотносится с рассматриваемым контекстом.

Зáсторонок (варианты – *пóсторонок, зáсторонка*) – пространство между дымовой трубой русской речи и стеной, где складывалась для просушки лучина; а также труба в печке, где есть вьюшки. Слово употребляется в Шенкурском районе: *закрóй посторóнок; посторóнок забýбла закрьть; зáсторонка – это сбóку у пéчки*. Слова *зáсторонок* и *пóсторонок* являются истинно диалектными, поскольку отсутствуют в «Словаре русского языка XI–XVII вв.».

В говорах Архангельской области *шестóк* в первом значении обозначает деревянную или глинобитную площадку перед устьем русской печи, соединенную с ней и выложенную из кирпича: *в́нь чугу́н да поста́вь на шестóк* (Шенкурский район, д. Шеньга). Второе значение – часть печи, на которую обычно ставят чугуны, кастрюли с пищей: *Чугун вынула из печи и на шестóк поставила* (Устьянский район); *поставь горшок – от на шестóк* (Холмогорский район); *рядом с устьем шестóк* (Приморский район). В словаре В.И. Даля приводится номинация *предпечек*, обозначающая шесток – площадку перед устьем русской печи [22, с. 340].

Словом *кошéль* называлась верхняя часть русской печи, а именно возвышение над

устьем. Это слово бытует в Шенкурском районе: *на кошéле грибы́ вéдь со́хнут*. В Онежском (д. Усть-Кожа), Вилегодском (д. Горка) районах *кошель* употребляется в значении ‘корзина для переноски груза на спине’: *складí грибы́ в кошéль; кошéль уж пóлной*. В Пинежском районе слово *кошель* обозначает короб с двумя ручками, сумку, котомку для дорожных припасов: *возьми́ с собо́й два кошеля́*. В Лешуконском районе данное слово имеет значение ‘перегородка из бревен, задерживающая плывущие бревна для того, чтобы их можно было связать в плоты’. В этимологическом словаре М. Фасмера указано, что лексема *кошель* родственна слову из сербохорватского языка «кóшлье», обозначающему забор, и словенскому *košúlja*, называющему корзину. В рязанских говорах встречается диалектное слово *кошóлка* в значении корзинка [21, с. 360]. Таким образом, в говорах Архангельской области значение слова сохранилось, однако приобрело и дополнительные значения ‘верхняя часть русской печи’ и ‘перегородка из бревен’.

Слово *подпéчек* (варианты – *ошéсток, опéчек*) встречается повсеместно в говорах Шенкурского, Онежского, Виноградовского, Пинежского, Лешуконского районов в значении ‘пространство под русской печью, место под шестком у русской печи, куда кладут лопату, помело и где зимой иногда живут куры’. Записано со слов респондентов: *совóк в подпéчке* (Шенкурский район); *возьми́ ухвát в подпéчке* (Пинежский район). Только в Холмогорском районе слово *опечек* обозначает ‘выступ русской печи, куда кладут мелкие предметы’: *я спíчки с опéчка бралá*. В.И. Даль в толковом словаре объясняет значение слова *подпечек* через родственный глагол *подпекать*. Определение глагола *подпекать* употребляется в прямом значении ‘поджаривать, печь, греть, жарить, жечь снизу’ [22, с. 340].

В современных говорах Архангельской области лексема *зау́лок* имеет 3 значения: 1) ‘пространство между русской печью и стеной’; 2) ‘пространство между домами’; 3) ‘кладовая’. В первом значении слово используется в Пинежском и Шенкурском районах:

да поспотри́ в зау́лке полу́чие-то; вы́паши весь со́р из зау́лка. Во втором значении – в Холмогорском районе: *зау́лок был те́мной; коро́ва в зау́лок ходит.* Третье значение характерно только для Верхнетоемского района: *лопа́та в зау́лке лежи́т.* Слово *зау́лок* впервые зафиксировано в XV веке в значении ‘глухая улица, тупичок, переулок’ [24, с. 124]. Таким образом, круг значений слова в Архангельских говорах расширяется и зависит от района.

Продемонстрированный диалектологический материал показал, что названия дома и его частей отличаются в разных районах Архангельской области. Это говорит о богатстве и сохранении языкового наследия русского языка. В основном наименования дома и его частей образовались посредством суффиксов *-ушк-*, *-иц-*, *-ник-*, *-к-*, *-ок-* и являются производными от слов, называющих предмет (*лавка – лава*), место (*боковушка – боковая*), лицо (*матница – мать*), признак, относящийся к тому, что названо мотивирующим словом (*горница – горний*). Многие слова употреблялись в древнерусском языке и сохранились в Архангельских говорах.

Слова в различных районах области имеют сходства в лексическом значении и употребляются в едином толковании; например, лексема *лавка* объясняется как неподвижная скамейка в Шенкурском, Приморском, Холмогорском, Верхнетоемском, Котласском районах. Сходство в употреблении значений объясняется близостью районов друг к другу (т. к. они находятся в пределах одной области), преемственной традицией языкового материала.

В Пинежском, Холмогорском и Вельском районах лексема *лавка* употребляется в нескольких значениях в одном и том же населенном пункте. Таким образом, отличительной особенностью говоров данных районов можно считать расширение семантики этого слова за счет дополнительного значения ‘магазин, помещение для торговли’. Это может быть связано с налаженностью транспортной системы между районами, социальным положением людей, их профессиональной направленностью, а также общностью

людей, благодаря которой диалекты переходят из одного района в другой без изменений.

Несмотря на общие черты в названиях жилых построек во всех районах области, встречаются и семантические различия в говорах разных районов. Например, лексема *заулок* обладает тремя разными значениями в зависимости от района, в котором она употребляется. В Пинежском и Шенкурском районе слово *заулок* используется для обозначения пространства между печью и стеной, в Холмогорском районе – пространства между домами, в Верхнетоемском – кладовой. Такое расширение значения слова в пределах одной области обусловлено бытовыми потребностями жителей.

В настоящее время усиливается влияние современного русского литературного языка на говоры. Исчезновение слов местного употребления связано с влиянием информационных технологий, СМИ, ростом уровнем образованности и культурных запросов населения. С течением времени исчезают реалии, обозначающие ранее предметы быта и служащие напоминанием о прежнем укладе жизни поморов, их обычаях, меняется вид деревни. Многие слова, например *полати*, *лавка*, входят в состав литературного языка. В отдаленных уголках Русского Севера, а также в «жемчужине Архангельска» – Малых Корелах можно по-прежнему познакомиться с архитектурным мастерством плотников, увидеть русскую печь, горницу, лавки – все, что нам напоминает о прежних временах и представляет широкое поле для изучения.

Результаты исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении архангельских говоров, сопоставлении их с другими говорами всего Северо-Западного региона, с говорами Сибири и Урала, а также с литературным языком, при изучении диалектного словообразования и диалектной лексики, в лексикографических исследованиях. Данные, полученные в настоящем исследовании, могут использоваться для пополнения диалектных словарей, разработки и составления тематического диалектного словаря под названием «Жилые и хозяйственные постройки».

Список литературы

1. Вендина Т.И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопр. языкознания. 2004. Вып. 2. С. 3–19.
2. Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1994. 234 с.
3. Елизаровский И.А. Лексика Беломорских актов XVI–XVII вв. / Арханг. гос. пед. ин-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 1958. 240 с.
4. Нефедова Е.А. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте // Аванесовский сборник. К столетию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2002. С. 94–103.
5. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
6. Качинская И.Б. Термины родства в мифологическом пространстве (по материалам архангельских говоров) // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2015. Вып. 2(30). С. 16–26.
7. Ащепков Е.А. Русское деревянное зодчество. М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 104 с.
8. Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат, 1973. 190 с.
9. Пермиловская А.Б. Крестьянское жилище русского Севера в экспозиции Архангельского государственного музея деревянного зодчества и народного искусства // Проблемы развития музеев под открытым небом в современных условиях. Иркутск, 1995. С. 30–32.
10. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера (XIX – начало XX века). Архангельск: Правда Севера, 2005. 312 с.
11. Судаков Г.В. История русского слова. Вологда: ВГПУ, 2010. 333 с.
12. Кузьмина А.М.-Г. Архитектурно-строительная лексика, бытующая на территории Мезенского района Архангельской области // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019: сб. тр. Междунар. науч. конф., посвящ. памяти проф. П.А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.) / ред. колл.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 203–206.
13. Пермиловская А.Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск: Правда Севера; Екатеринбург: УрО РАН, 2010. 552 с.
14. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: Изд-во Урал. отд-ния РАН (УрО РАН); Архангельск: Правда Севера; Ярославль: Изд-во Яросл. гос. пед. ун-та им. К.Д. Ушинского (ЯГПУ), 2013. 608 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6: (Зипунь – Январий). М.: Наука, 1979. 359 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III: (Муза – Сят). М.: Прогресс, 1971. 827 с.
17. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т. IV: Р – V. 779 с.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I: (А – Д). М.: Прогресс, 1964. 562 с.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: (Г – Д). М.: Наука, 1977. 403 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8: (Крада – Лящина). М.: Наука, 1981. 351 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II: (Е – Муж). М.: Прогресс, 1964. 672 с.
22. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М.: ГИС, 1955. Т. III: П. 555 с.
23. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9: (М). М.: Наука, 1982. 357 с.
24. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5: (Е – Зинутие). М.: Наука, 1978. 392 с.

References

1. Vendina T.I. Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (probnyy vypusk): predvaritel'nye itogi [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Trial Edition): Preliminary Results]. *Voprosy yazykoznaneya*, 2004, no. 2, pp. 3–19.
2. Komyagina L.P. *Leksicheskiy atlas Arkhangel'skoy oblasti* [Lexical Atlas of the Arkhangelsk Region]. Arkhangelsk, 1994. 234 p.

3. Elizarovskiy I.A. *Leksika Belomorskikh aktov XVI–XVII vv.* [Lexicon of the White Sea Acts of the 16th – 17th Centuries]. Arkhangelsk, 1958. 240 p.
4. Nefedova E.A. Dialektnye leksicheskie mikrosistemy v areal'nom aspekte [Dialectal Lexical Microsystems in the Areal Aspect]. *Avanesovskiy sbornik* [Avanesov Collection]. Moscow, 2002, pp. 94–103.
5. Bayburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [House in the Rituals and Ideas of the East Slavs]. Leningrad, 1983. 191 p.
6. Kachinskaya I.B. Terminy rodstva v mifologicheskom prostranstve (po materialam arkhangel'skikh govorov) [Kinship Terms in the Mythological Dimension (a Case Study of Arkhangelsk Dialects)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2015, no. 2, pp. 16–26.
7. Ashchepkov E.A. *Russkoe derevyannoe zodchestvo* [Russian Wooden Architecture]. Moscow, 1950. 104 p.
8. Alferova G.V. *Kargopol' i Kargopol'e* [Kargopol and Kargopol Region]. Moscow, 1973. 190 p.
9. Permilovskaya A.B. Krest'yanskoe zhilishche russkogo Severa v ekspozitsii Arkhangel'skogo gosudarstvennogo muzeya derevyannogo zodchestva i narodnogo iskusstva [Peasant Houses of the Russian North in the Arkhangelsk State Museum of Wooden Architecture and Folk Art]. *Problemy razvitiya muzeev pod otkrytym небом v sovremennykh usloviyakh* [Problems Faced by Open-Air Museums Today]. Irkutsk, 1995, pp. 30–32.
10. Permilovskaya A.B. *Krest'yanskiy dom v kul'ture Russkogo Severa (XIX – nachalo XX veka)* [Peasant House in the Culture of the Russian North (19th – Early 20th Centuries)]. Arkhangelsk, 2005. 312 p.
11. Sudakov G.V. *Istoriya russkogo slova* [The History of the Russian Word]. Vologda, 2010. 333 p.
12. Kuz'mina A.M.-G. Arkhitekturno-stroitel'naya leksika, bytuyushchaya na territorii Mezenskogo rayona Arkhangel'skoy oblasti [Architectural and Construction Vocabulary Used in the Mezen District of the Arkhangelsk Region]. Samsonov N.B. (ed.). *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke – 2019* [The Rational and the Emotional in the Russian Language – 2019]. Moscow, 2019, pp. 203–206.
13. Permilovskaya A.B. *Russkiy Sever kak osobaya territoriya naslediya* [Russian North as a Special Heritage Area]. Arkhangelsk, 2010. 552 p.
14. Permilovskaya A.B. *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of Folk Architecture of the Russian North]. Yekaterinburg, 2013. 608 p.
15. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Iss. 6: (Zipun' – Iyanuariy). Moscow, 1979. 359 p.
16. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 3: (Muza – Syat). Moscow, 1971. 827 p.
17. Dal' V.I. *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow. Vol. 4: R – V. 779 p.
18. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1: (A – D). Moscow, 1964. 562 p.
19. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Iss. 4: (G – D). Moscow, 1977. 403 p.
20. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Iss. 8: (Krada – Lyashchina). Moscow, 1981. 351 p.
21. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2: (E – Muzh). Moscow, 1964. 672 p.
22. Dal' V.I. *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, 1955. Vol. 3: P. 555 p.
23. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Iss. 9: (M). Moscow, 1982. 357 p.
24. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Iss. 5: (E – Zinutie). Moscow, 1978. 392 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V088

Andzhela M.-G. Kuz'mina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7180-8208> e-mail: alieva.anjela2018@yandex.ru

NAMES FOR HOUSE AND ITS PARTS IN THE DIALECTS OF THE ARKHANGELSK REGION

The house is a reflection and translator of the Russian material and spiritual culture: in addition to its main purpose, it expresses national traditions and the people's way of life. This paper deals with the names for house and its parts in the Arkhangelsk Region dialects as well as introduces local names for other buildings and structures. The aim of the study is to perform an ethnographic analysis of architectural and construction vocabulary included in the thematic group "General names for house and parts of the living quarters". Original dialect materials collected during dialectological expeditions in the Arkhangelsk Region over the past 50 years (since the early 1960s) are analysed. The author reveals similarities and differences in lexical meanings according to the geographical principle and compares vocabulary used in different districts of the region. Each word is provided with a definition from the context and illustrations. Furthermore, the paper traces the etymological meanings of these words and shows that almost all of them are of Common Slavic origin. A word-formation analysis demonstrates that these lexemes are derived from words denoting an object, a place, a person or an attribute. According to historical and etymological dictionaries, the vocabulary under study had been actively used by Russians over many centuries and can still be found in the northern parts of the Arkhangelsk Region.

Keywords: *Arkhangelsk Region dialects, names for house, names for parts of the house, ethnographic analysis, etymology of words, architectural and construction vocabulary.*

Поступила: 14.10.2020

Принята: 23.03.2021

Received: 14 October 2020

Accepted: 23 March 2021

For citation: Kuz'mina A.M.-G. Names for House and Its Parts in the Dialects of the Arkhangelsk Region. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 60–69. DOI: 10.37482/2687-1505-V088